

ны «Свадьба совы», в контаминации с небылицей «Разрубили комара на двенадцать штук, разложили комара на двенадцать блюд...» и прибаутками «Села баба на барана» и «Я горошек молочу».

Добросовестность составления и точность записи текстов, примечания с указанием вариантов свидетельствуют о том, что уже в ранние годы А.В. Марков выступал не как собиратель-дилетант, а как специалист, готовый к глубокой полевой и научной работе фольклориста. Первые шаги А.В. Маркова в собирании фольклора оказались на редкость плодотворными. Собранные им тексты по достоинству оценены составителями современных антологий: из недавних изданий упомянем антологию «Детский поэтический фольклор» [Мартынова 1997а], книгу «Детский фольклор» из серии «Библиотека русского фольклора» [Новицкая, Райкова 2002], том «Детский фольклор. Частушки» из серии «Фольклорные сокровища Московской земли» [Ананичева и др. 2001].

Литература

Ананичева и др. 2001 — Детский фольклор. Частушки / Вступ. ст., сост., коммент. Т.М. Ананичевой, Е.Г. Борониной, А.Н. Мартыновой, М.Ю. Новицкой, Е.А. Самодоловой; указ. Е.А. Самодоловой. М., 2001. (Фольклорные сокровища Московской земли; Т. 4).

Марков, Ухов 1961 — Детские песни, записанные А. Марковым в центральных губерниях в 1892—1896 гг. / Публикация П.Д. Ухова // Вестник Московского университета. Серия 7: Филология, журналистика. М., 1961. № 4. С. 71—86; № 5. С. 71—86.

Мартынова 1997 — *Мартынова А.Н.* Детский фольклор: Поэтические жанры // Детский поэтический фольклор: Антология / Сост. А.Н. Мартынова. СПб., 1997. С. 5—27.

Мартынова 1997а — Детский поэтический фольклор: Антология / Сост. А.Н. Мартынова. СПб., 1997.

Новицкая, Райкова 2002 — *М.Ю. Новицкая, И.Н. Райкова.* Детский фольклор и мир детства // Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой и И.Н. Райковой. М., 2002. С. 5—53. (Библиотека русского фольклора; Т. 13).

Н.В. ПЕТРОВ
(Москва)

ВАХРАМЕЙ ВАХРАМЕЕВИЧ ПРОТИВ ИДОЛИЩА: ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ БЫЛИННЫХ ИМЕН¹

Без имени ребенок — чертенок
[Даль 1984, 173].

Впрочем, Ивана Ивановича на самом деле звали Отаром Отаровичем, но обстоятельства его жизни сложились таким образом, что чувствовал он себя Иваном Ивановичем [Окуджава 1992, 72].

Послушайте только, как это просто, здраво, разумно, до безупречности логично. Если был дракон, значит, у него была бабушка. А вот у вас бабушки не было! Бабушка научила бы вас любить сказки. У вас не было ни отца, ни матери. Вас просто не может быть [Честертон 2000, 360].

В статье предлагается опыт анализа имен былинных персонажей (в большей степени антагонистов) в отрыве от предположительной этимологии², но в связи с сюжетными функциями. В рассмотрении некоторых аспектов данного вопроса нам близки позиции А.Б. Пеньковского и З.К. Тарланова [Пеньковский 2004; Тарланов 2002]. Для разбора были выбраны тексты былин разных локальных традиций от Русского Севера до Сибири, записанные преимущественно в XIX—XX веках. Отправной точкой исследования стал сборник беломорских былин А.В. Маркова [Марков 1901].

В русском эпосе антагонистами — к ним, в частности, можно отнести персонажей, выполняющих функции «вредителя» и «ложного героя» в терминологии В.Я. Проппа, — следует назвать противников героя в сюжетных ситуациях боя,

¹ Я хотел бы поблагодарить С.Ю. Неклюдова и Ф.Б. Успенского за ценные советы и замечания в ходе работы над статьей.

² Анализ этимологии былинных имен см., напр., в [Соболевский 1890; Кондратьева 1967].

Таблица

1		2	3	4
а	б			
<p>Авдотья Лебедь белая, дочь ляховинского короля, невеста царя Вахрамеиша; Маринка-колдунья; Марфушка лебедь белая, дочь короля задонской земли, просватана за Идолище, жена Потыка, змея лютая; Авдотья Лиходеевна — жена Михайлы Потыка</p>	<p>Соловей-разбойник Рахматевич; Змей, Сорочинская змея лютая;</p>	<p>Австрийский король; Татары поганые; Французский король; Шведский король неверный, ляховинский</p>	<p>Вахрамеище царище сильное; Грубиянище царище; Идолище поганое проклятое; Кудреванко царь кудреянище; Адриянишшо-царь</p>	<p>Бадан Баданович — неверный царь; Калин Калинович — царь собака; Небрюк Небрюкович — в Литве король</p>

который чаще всего завершается победой героя (*Идолище*, *Змей*); иноземных правителей, угрожающих Киеву и близким героя (*Калин царь*, *иноземный король* и пр.); «своих» персонажей, которые клеветают на богатыря или приносят ложную весть о смерти героя (*Алеша Попович* — «Алеша и Добрыня», *бояре* — «Ссора Ильи Муромца и князя Владимира»); а также женщин с ярко выраженными колдовскими и зооморфными свойствами, причиняющих вред герою (*Маринка Кайдаловна*, *Авдотья Лебедь белая*³).

Даже при поверхностном рассмотрении наименований противников четко выделяются несколько разнородных групп. В таблице предлагается систематизированный по доминирующим для каждой из групп признакам перечень эпических антагонистов из именника беломорских былин собрания А.В. Маркова.

³ Невеста Михайлы Потыка может быть как лебедью, так и ланью. Образ лебедя/лебединой девы в фольклоре наделяется любовно-брачной, реже демонологической символикой. См., напр.: [Славянские древности 2004, 88—89].

Типичными семантическими особенностями наименований антагонистов в былинах можно считать: (1) указание на зооморфный/орнитоморфный облик персонажей (*лебедь*, *змея/змея*, *соловей*)⁴; связь с магией (*Маринка-колдунья*, *Авдотья Лиходеевна*); (2) черты реальных и квазиисторических врагов средневековой Руси, соотносящиеся с идеей «чуждости» православной традиции (*австрийский король*, *татары поганые*, *французский король*; *шведский король неверный*, *ляховинский*, *проклятый*)⁵.

Словообразовательными маркерами имен антагонистов в былинах являются (3) увеличительные суффиксы субъективной оценки *-ище/-ишшо-* (Вахраме-

⁴ Разделение антагонистов на два раздела в группе 1 обусловлено женской (а) и мужской (б) природой персонажей, при этом «сорочинская змея лютая» относится к разделу (б), так как характеризует Змея в сюжете «Добрыня и Змей», который чаще всего наделяется сказителями мужской природой.

⁵ В эту же парадигму включаются правительственные титулы (царь, король), причем «нашего» правителя былина называет князем, иноземного — «царем», «королем». Об исторических корнях термина царь см., напр.: [Вводов 2002; Вводов 2002а].

ище царище, Грубиянище, Идолище, кудреянище, Адриянишшо), свидетельствующие, прежде всего, о силе/мощи соответствующего персонажа⁶. Былина и в словесной обрисовке врага акцентирует внимание на огромном росте, силе, непомерном обжорстве и пр., что создает контраст с описанием «своего» богатыря: «...враг преувеличен, герой преуменьшен. Враг всегда непомерно велик и силен, все от него в страхе, все подавлены его насилием, одолеть его представляется решительно невозможным» [Скафтымов 1924, 53].

Типичными чертами большей части имен антагонистов являются их производность от слов с пейоративной коннотацией (**Идолище** — «идол», **Лиходеевна** — «лихо деять», **Грубиянище** — «грубиян») ⁷ и наличие характерного определения/титута в наименовании, подчеркивающего их принадлежность к «иному» миру, этносу (**Идолище поганое проклятое**, **Кошей царь неверный**, **Бадан Баданович — неверный царь**, **Маринка-колдунья**, **Марфушка лебедь белая**, **змея лютая**, **король неверный**, **ляховинский**, **австрийский**, **французский**, **шведский**).

Четвертая группа (4) отличается от первых трех, прежде всего, двусоставностью представленных в ней имен, но это не специфичный их (имен) признак: двухкомпонентные имена типа Авдотья Лиходеевна, Соловей Рахматьевич и др. распространены в русском эпосе. Важно отметить, что во второй части двусоставного имени повторяется его первая часть (**Бадан Баданович**, **Калин Калинович** и др.). Другими словами, в четвертой группе показаны дублетные имена антагонистов.

Безусловно, представленная типология, построенная на учете закономерностей в образовании наименований былинных персонажей, не универсальна, поскольку ограничена материалом одной

⁶ См. об этом подробнее в [Артеменко 1997, 4; Оссовецкий 1957, 477].

⁷ Нетривиальным является имя иноземного царя, которого Михайло Потык обыгрывает в шахматы — **Налета Налетович** [Рыбников 1990, № 166]. В его образовании участвуют механизмы таутономизации и этимологизации, о чем будет рассказано ниже.

локальной традиции. По мере расширения круга источников могут быть выявлены и другие механизмы в образовании имен эпических персонажей⁸. Один из них — это редупликация (повторение первой части имени во второй): **Костя-Лостя** Литурженин [Григорьев 1910, № 378] и **Омельфа-Мамельфа**, **Сухман Долмантьевич**⁹ и пр.

Оговоримся, что в образовании имен былинных персонажей доминирует не один механизм, а несколько. Следует учитывать и основное качество фольклорной традиции — пластичность, проявляющуюся в варьировании сюжетных элементов, деталей эпического антуража, имен персонажей. Например, в тексте на сюжет «Иван Годинович противник героя назван Кошеем [Рыбников 1990, № 195], в одном варианте былины о Михайле Потыке — Кошеем Кошеевичем [Григорьев 1939, № 272], а в другом — Коршеем Коршеевичем [Григорьев 1939, № 277]. Также имя «чужого» правителя Калина, Бадана (Батея, Батыги) [Рыбников 1990, 121; Григорьев 1910, 352] может варьироваться (Бадан Баданович, Батей Батеевич, Калин Калинович) [Рыбников

⁸ Особый интерес для исследователя эпических имен представляют случаи инкорпорации былиной персонажей как волшебной сказки, так и актуальных верований. Мы располагаем двумя случаями, когда в былинку включаются герои волшебной сказки: Кощей, похищающий невесту/жену героя (большинство былин на сюжет «Иван Годинович» и «Михайло Потык»), и Баба-яга, которая бьется с Добрыней и побеждена им с помощью Ильи Муромца [Гильфердинг 1949—1951, №№ 228, 290, 292]. Эти случаи можно считать межжанровым перенесением на основании «семантического шлейфа» сказочного образа, напр., см.: [Никифоров 1994].

Сложнее обстоит дело с персонажем новгородских былин, который помогает гусяру Садко получить богатство, а от купца Садко требует остаться на дне моря. Включение в систему эпических персонажей **морского царя** (в другой интерпретации — **лешего**, **водяного царя**) ставит дополнительные вопросы при соотнесении былины с жанрами сказочной и несказочной прозы.

⁹ Ссылки на сборники былин, где встречаются эти имена, не указываются, так как такого рода редупликация есть в большинстве эпических текстов.

1990, №№ 161, 174, 208; Марков 1901, № 2] и т.п. Именно поэтому имеет смысл говорить лишь о закономерностях в структурной организации эпических имен и о тенденциях при описании взаимозависимости имени персонажа и эпизодов текста.

В отличие от антагонистов для обозначения «наших» богатырей былина применяет уменьшительно-ласкательные суффиксы *-юшк-/-ушк-/-еньк-*: Добрынюшка, Илюшенька, Дунаюшко, иногда пренебрежительный *-к-* (Васька, Алешка¹⁰). Негативное же отношение сказителя и аудитории к герою проявляется в присоединении уничижительного прозвища «вор» к имени (Данилко-вор, Васька-вор). Отметим, что в двучленных именах «своих» богатырей — также в противоположность двухкомпонентным именам антагонистов — прослеживается тенденция к отсутствию изоморфизма: имя редко повторяется в фамилии, отчестве, определении (Добрыня Никитич, Иван Данилович, Лука-богатырь).

Отдельной темой является вопрос о наименовании персонажей, которые только на первый взгляд кажутся антагонистами, например Соловья-разбойника (да и вообще разбойников, которых побеждает Илья Муромец). Соловей называется Соловешкой, Соловешкой¹¹. В такой номинации былинного разбойника нельзя не заметить элементы сочувствия Соловешке со стороны сказителей. Дополнительное значение, возникающее благодаря использованию уменьшительно-ласкательных суффиксов в построении имени, проявляется и на сюжетном уровне: Илья Мур-

мец братается с Соловьем, предлагает ему стать дружинником, хотя затем и убивает его только за то, что Соловей ослушался приказа богатыря свистеть вполсвиста. Кроме того, показательно и отсутствие боя между Ильей и Соловьем: герой поражает крылатого разбойника стрелой¹².

Следовательно, существует несколько способов, используемых сказителями для обогащения фонда эпических имен: включение в состав былины имен персонажей сказочной мифологии, реже — актуальных верований¹³; использование зоонимов/орнитонимов в номинации персонажей-противников; разграничение в рамках оппозиции «свой/чужой» князя и царя, короля; употребление увеличительных/уменьшительно-ласкательных суффиксов; изоморфное построение имени антагониста, а также использование названий исторических и квазиисторических врагов Руси.

Рассмотрим на конкретных примерах случаи, когда номинации эпических персонажей либо зависят от сюжетных ходов былины, либо прямым или косвенным способом определяют их.

Недублетным именам героев русского эпоса (Добрыня Никитич, Илья Муромец и т.п.) противостоят изоморфно построенные двучленные имена типа Батыга Батыгович, Ботиян Ботиянович (король земли сорочинской), Вахрамей Вахрамеевич, Везьяк Везьякович, Демьян Демьянович, Этмануил Этманулович, Колыван Колыванович и т.д.¹⁴. В терми-

¹² Данный случай может трактоваться как проявление категории героического в малых эпических жанрах, где для обозначения боя достаточно упоминания одного выстрела, одного взмаха саблей и пр.

¹³ Например, «водяник» в новгородских былинах о Садко [Новгородские былины 1978, № 33].

¹⁴ Примеры такого рода многочисленны: Ковшей Ковшеевич [Григорьев 1939, №№ 271, 262, 277]; Кудреванко Кудреванкович [Григорьев 1939, № 222]; Батей Батеевич, Батый Батыевич [Григорьев 1910, № 352]; Вахрамей Вахрамеевич [Григорьев 1910, № 333], Волонтоман Волонтоманович, Волотон Волотонович [Григорьев 1910, №№ 325, 366], Табатыга Табатыгин, Мануило Мануилович, Додон Додонович [Григорьев 1939, № 350].

¹⁰ Для Алеши Поповича именование «Алешкой» более характерно, чем для других героев русского эпоса: он может отрицательно интерпретироваться былиной, что, вероятно, связано как с его эпическим происхождением — поповский сын, так и с сюжетными ситуациями — он ложный герой в сюжете «муж на свадьбе своей жены» и «бабий насмешник» в былине «Алеша и сестра Петровицей-Збродовицей».

¹¹ См., напр., мезенские былины в сборнике Григорьева [Григорьев 1910, 681], где «ласкательные» имена Соловья-разбойника употребляются в два раза чаще нейтральных.

нологии А.Б. Пеньковского это «таутонимы» — образования с тождественным наполнением компонентов модели [Пеньковский 2004, 372].

При рассмотрении сюжетных ролей действующих лиц былины оказывается, что удвоение имени антагониста подчеркивает его отнесенность к «чуждому кругу», представители которого не имеют генеалогии, принятой в «нашем» мире. Однако при таком явном указании на «чуждость», а следовательно, на возможное активное противопоставление герою, антагонист, называемый именем-дублетом, не наносит вреда богатырю. В сюжете былины «Иван Годинович» [Кириша Данилов 1977, № 16; Григорьев 1910, № 333] первый суженый девушки (**Афромей Афромеевич** или **Вахрамей Вахрамеевич**) побежден героем, а «истинным» антагонистом является невеста Ивана Годиновича — Авдотья Лебедь белая, что, собственно, и подчеркивается ее орнитоморфным именем. В былине на сюжет «Михайла Потык» соперник Михайлы — **Кощей Кощеевич** — не убивает Михайлу, когда предоставляется возможность, но жена Потыка — Лебедь Белая — помогает, как и в предыдущем сюжете, не герою, а антагонисту.

Именами-дублетами (**Идойло Идойлович**, **Этмануил Этманулович**) наделяются в былине жених-иноземец или потенциальный тесть героя [Былины Печоры 2001, I, № 22; Былины Печоры 1961, № 83; Кириша Данилов 1977, № 21]. На дочери **Антоломана Антоломановича** суждено жениться Саламану [Рыбников 1989, № 51].

Любопытно, что в большинстве рассмотренных случаев имя антагониста удваивается в сюжетах с матримониальной топикой¹⁵. Именами-дублетами названы также и правители «чужого» мира — отцы девушек, к которым сватаются герои. Вероятно, подобная

¹⁵ Это высказывание не отменяет положения о «чуждости» персонажей с удвоенным именем. С точки зрения «своих» персонажей даже герои, которым посвящена былина (Соловей Будимирович), могут осмысляться как «свои», но «иноземные».

корреляция двойного имени персонажа и сюжета с брачными коллизиями может быть распространена и на имя «своего» героя. Действительно, в одном варианте былины о Соловье Будимировиче (беломорский вариант М.С. Крюковой) герой называется **Соловьем, сыном Соловья** [Марков 1901, № 65]. В этом контаминированном сюжете Соловей не только жених-иноземец, он выполняет несвойственную ему роль спасителя Киева от царишша Грубиянишша [Там же].

Следующий пример показывает, как происходит образование таутонима. В тексте былины о Хотене Блудовиче Чайная Вдова, оскорбляя героя, с одной стороны, причисляет его к кругу «чужих», а с другой — использует патроним Иванович, который оказывается этнонимизирующим признаком принадлежности объекта культурному миру русского этноса: «*Говорит вдова Чайная: “Уж ты гой еси Хотенко ты Хотенович, сын Иванович! У тебя отца-то звали Блудю, А тебя мы станем звать дак Пустоломою!”*» [Григорьев 1904, № 211]. Здесь мы имеем дело с экспликацией механизма образования таутонима: имя Хотена Блудовича, насыщенное эротической символикой¹⁶ (на это указывает и прозвище его отца — Блуд), превращается в устах Чайной Вдовы в **Хотена Хотеновича**.

Кроме антагонистов, «чужих» правителей и некоторых «своих» персонажей удвоение имени характерно для враждебных советчиков/наветчиков и некоторых богатырей на заставе.

Хитрый **Путятин Путятювич** в былине о Даниле Ловчанине выступает в роли враждебного советчика: описывая князю Владимиру красоту жены ловчего Данилы, он советует послать Данилу на охоту за лютым зверем (на погибель), после чего Владимир сможет жениться на вдове охотника [Киреевский 1860—1862, III, 2]. В исторической песне, близкой к былине, старший сын Ивана Грозно-

¹⁶ А.И. Соболевский считает имя Хотен производным от слова «хотеть», как и имя Ждан от «ждать» [Соболевский 1890, 101].

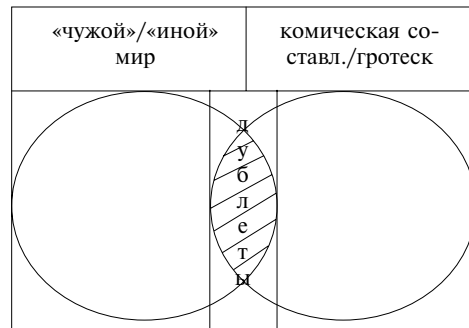
го — Иван Иванович — несправедливо обличает брата перед отцом [Рыбников 1989, № 20; Рыбников 1990, № 137]. «*Два Ивана, да два Ивановиця*» хвалятся на поле боя: «*Кабы был-стоял в матери сырой земле да колокольный столп, Да поворотил бы я всю мать сыру землю <...> Кабы стояла бы на небо лестница, Да там бы я залез и всех присёк*». В результате похвальбы персонажей «*да тут восстала опеть силушка Кудреванкова*» [Астахова 1958, № 17]. Братья Иваны Ивановичи нарушают одну из этических норм русского богатырства: не соперничать с *силой небесной* — и приобретают признаки «чужого», что и показывает наречение их двойными именами. В былинах типа «Камское побоище», где сюжетным ядром является соперничество «своих» героев с неземной силой (напр.: [Григорьев 1910, № 394; Марков 1901, № 81]), вражеское войско воскресает из мертвых, чтобы продолжить сражение: «*А й наеде Батыга Батыгович Со своим со сыном со Батыгушкою*»¹⁷. По сути, в этом примере есть только ряд «батыг» — «иномирных» существ, имена которых построены по патронимической модели, но где отношения отец — сын совершенно незначимы: похожие характеристики получают и братья Ивановичи.

Также небезынтересно наречение сказителями именем-дублетом ребенка, которому родители не дали имя — без роду без племени. Сокольник, становясь **Ерусланом Еруслановичем** [Астахова 1951, 657], мыслится как представитель «чужого» мира/этнуса¹⁸.

Дублетные имена могут конструироваться по ходу пения былины: Апракса

становится **Апраксой Апраксовой** тогда, когда сочувствует своему потенциальному похитителю Тугарину Змеевичу, чем вызывает недовольство и презрение Алеши Поповича [Кириша Данилов 1977, № 49].

Таким образом, при назывании персонажей именами-дублетами сами герои/антагонисты и события, связанные с ними, утрачивают индивидуальные черты: персонаж мыслится как представитель однородного ряда, чаще всего «иномирного», «чужого», из которого он выделяется только в силу занимаемого положения; акции же героя выходят за рамки тематики связанного с ним сюжета. В результате использования былиной двойного имени изменяется акциональное поле антагониста. Он не наводит ужас на героя, не разрушает Киев, а только выступает в роли иноземного свата: угрожает Киеву и князю Владимиру и подвергается оскорблениям («Идолище сватает племянницу князя Владимира» [Былины Печоры 2001, I, № 22; Былины Печоры 1961, № 83]) и пр. Тенденция к высмеиванию персонажей (как антагонистов, так и положительных героев), имеющих дублетные имена, ослабляет их сюжетную функцию. Другими словами, антагонист с дублетным именем становится «нестрашным», а герой воспринимается сказительским сознанием в качестве «чужого»:

Следующий механизм в образовании былинных имен заключается в объединении в одном имени частей разных имен, что влечет за собой слияние в одном об-

¹⁷ Ср.: «*Де кого били и секли надвоё, да тех двоё стало, Де кого были, секли натроё, де тех троё стало*» [Астахова 1958, № 17]. Здесь интересна связь имени-дублета и широко распространенного мотива о дважды повторенном действии по отношению к нечистой силе в былинах и быличках. Н.И. Толстой называет этот мотив «черта с два» [Толстой 2003, 438].

¹⁸ См., напр., у В.И. Даля: «*Без имени ребенок — чертенюк*» и «*Всякий черт — Иван Иванович*» [Даль 1984, 173].

разе черт разных персонажей. Впрочем, этот процесс может быть и обратным: контаминированное имя появляется в результате смешения черт персонажей в родственных сюжетах.

Данные процессы также (как и в случае с таутонимами) коррелируют с трансформациями сюжетных элементов и косвенно позволяют подтвердить тематическое сходство сюжетов.

В двух текстах былин о *заморском женихе* герой назван Соловьем **Блудимировичем** [Марков 1901, № 200; Былины Печоры 1961, № 86; Григорьев 1910, № 331], что подчеркивает его сходство с другим героем былин о сватовстве — Хотеном **Блудовичем**. Впрочем, это может быть и фонетическим казусом. Более отчетливо показывает тенденцию к объединению сюжетов другой пример: имя **Угарище** [Былины Печоры 2001, I, № 106; Ончуков 1904, № 20] образовано путем слияния частей имен **Тугарина** и **Идолища**, хотя нельзя исключить возможность создания этого имени суффиксальным способом: Тугарин + *ище*. Печорский текст былины включает в себя сюжет «Илья Муромец и Идолище», но антагонист, напоминая своими характеристиками и действиями Тугарина (обжорство, кидание ножа в героя), назван Угарищем/Югарищем. Безусловно, такое контаминированное имя оказывается лишь второстепенным показателем сходства образов антагонистов и, следовательно, тематической однородности сюжетов «Илья и Идолище» и «Алеша и Тугарин». Более формально подойти к вопросу общности сюжетов можно, сравнив сюжетные эпизоды рассматриваемых текстов: Идолище, подобно Тугарину, ездит под облаками; Илья Муромец просит у небес дождя, который смачивает крылья **крылатого коня Идолища**, вследствие чего Идолище спускается на землю.

Немногочисленные примеры контаминации имен служат исследователю дополнительным маркером при определении сюжетного типа былины и показывают тематическую общность данных сюжетов, существующую не только в сознании исследователя, но и в сказительской памяти.

Некоторое количество имен в былинах образовано с помощью редупликации. В данном случае под редупликацией понимаются рифмованные парные сочетания, свойственные пиджинам, заговорной традиции, детской речи¹⁹. Явления подобного рода можно выявить и на былинном материале: **Костя-Лостя** Литурженин, **Омельфа-Мамельфа**, **Кострюк-Демрюк**, **Кострюк Демрюков**, **Сухман Долмантьевич**, **Сухман Одихмантьевич**. Встречаются и случаи, где таутонимические сочетания комбинируются с редупликацией — **Кострюк-Темрюк-Темрюкович** [Марков 1901, № 106]. Отдельно следует рассматривать такие случаи, как **Ремяник** со **Племяником** [Марков 1901, № 81], **Кормшицек-Коньшицек**²⁰ и пр. Редупликация не влияет на факультативные сюжетные ходы, но дополняет процессы образования имен.

Наиболее распространенная закономерность в конструировании эпических имен — переосмысление, или этимологизация²¹. Неактуальное название утрачивает внутреннюю форму, затем сказитель «находит» слово, фонетически близкое старому, и наполняет его новым содержанием. В пудожской былине князь Владимир «накидывает» богатырям такую службу: «*Съездить надо во Туги горы, А й во Туги горы съездить ко лютый змеи*» [Гильфердинг 1949—1951, № 59]. Сюжет былины — двойное змеборство Добрыни. В первый раз герой побеждает змея на Пучай-реке, во второй — во **Тугих горах**. Вероятнее всего, топоним **Тугие горы** возникает как производный от имени **Тугарина** (во второй строке

¹⁹ Урза-Мурза [Афанасьев 1985, № 212]; Чудо-Юдо [Афанасьев 1985, № 136]; Каныга-Лыга [Афанасьев 1985, № 381]; Егор-Святогор [Киреевский 1860, IV, 122]).

²⁰ Имя Кормшицек-Коньшицек образовано с помощью редупликации, но первая его часть, «кормшицек», указывает на слово кормщик — понятие, известное северным крестьянам, большая часть которых занималась мореходством. Процесс переосмысления имени носителями традиции будет рассмотрен ниже.

²¹ Вероятно, подобный механизм было бы правильнее назвать «вторичной семантизацией» или «проявлением внутренней формы» слова.

приведенного примера упоминается и **лютая змея**). Перенесение **Тугарина Змеевича** в тематически однородный сюжет о змеборстве героя вполне закономерно, но сказитель сначала отказывает имени **Тугарина** в значении, а затем подыскивает новую этимологию ставшему неясным (возможно, в процессе восприятия при устной передаче текста) слову — топоним **Туги горы**, где живет **змея**. Подобный процесс переосмысления имени характеризует и следующий пример: второй сын или зять царя Кудреванки, напавшего на Киев, становится **Коршуном** [Григорьев 1939, №№ 250, 270, 303] — хищником.

Также интересны случаи этимологизации, когда происхождение былинного персонажа напрямую зависит от имени, либо в былине появляется дополнительный эпизод, мотивирующий имя героя. В былине с инцестуальным сюжетом о Михайле **Козарине бабушка-задворенка**, к которой относят Михайлу злые люди/родители, кормит его «кусочками прошёныма и молоцьком да всё козловьем» [Григорьев 1904, № 89; Былины Мезени 2003, №№ 204, 205]. Именно поэтому, по мнению сказительницы, и прозвали ребенка **Козаренином**: «Как по этому-ту молоку козловому Уж как прозвали Михайла Козарицём» [Былины Мезени 2003, № 203]. Связь с былинной Амалфеей упоминается еще в нескольких былинах мезенского региона, однако кормление козым молоком не связывается четко с обретением имени эпическим героем. В сибирской былине из записей С.И. Гуляева Алеша нарекается Алешей **Чудородычем** (Чудородовичем) в связи с чудесным рождением от **змея**. Здесь можно согласиться с В.Ф. Миллером, видевшим в данном факте перенесение эпизода рождения Волха на Алешу, поскольку в данном сюжете именно Алеша должен стать победителем змея [Миллер 1911, 447]. Имя персонажа, как правило, либо содержит те признаки, которые обыгрываются в сюжетном действии, либо номинация происходит вслед за изложением какого-либо эпизода [Новик 2001, 128].

Особое место занимают случаи, когда акция героя или факультативный

эпизод появляются в тексте былины как мотивировки имени персонажа. В этом эпизоде не совсем понятно, что появилось ранее — имя или действие: «...А Спирия стал постыривать, Сёма стал пересёмоватъ...»²² [Кирша Данилов 1977, №№ 24, 68]. Таким факультативным эпизодом можно считать поручение, данное героем второстепенному богатырю, пересчитать силу неверную: «Говорил тут старая старыньшина да Илья Муромецъ: “Уж ты гои еси, **Пересмёта** сын Стёпанович! Уж ты съезди-ко со своим да со племянником, Уж ты съезди-ко в чистом поле, на шомломя окатисто, А возьми-тко-се трубочку подзорную, А как пересчитай-пересмечи эту силу великую, Великую силу неверную”» [Марков 1901, № 81]. Следовательно, возможны два варианта толкования данного фрагмента: имя **Пересмёта** появляется в связи с эпизодом, в который включается акция данного героя — **пересметать** врагов, или же действие формируется в результате семантики имени²³.

Вторичная этимологизация имени может быть связана и с семантическим ореолом образа персонажа, когда в имя включается одна из периферийных сем мотива, в котором субъектом действия является тот или иной персонаж. Кошей становится **Кошелем** Трипетым [Былины Печоры 1961, № 74], что, вероятно, подчеркивает семантику сказочного образа, связанную в массовом сознании с богатством²⁴. В беломорских былинах, по словам собирателя А.В. Маркова, Аграфена Крюкова сначала запела «Зры-

²² В комментарии к сборнику былин Кирши Данилова отмечается, что эти слова означают выражение крайнего испуга [Кирша Данилов 1977, 444].

²³ Глагол «сметать», «смести» повсеместно известен северным диалектам, и, по всей вероятности, от него и появилось столь необычайное имя (автор благодарен В.А. Бахтиной за это указание).

²⁴ Некоторые варианты сказок эксплицируют фольклорные представления о богатстве этого персонажа. Так, убив Кошея, «Иван-царевич запряг лошадей в золотую карету, забрал целые мешки золота и серебра и поехал с своею невестою к родному батюшке» [Афанасьев 1985, № 157].

данишо», но потом поправилась на **Идолище** [Марков 1901, № 47]²⁵, т.е. Идолище превращается во врага, от которого «все рыдают». Впрочем, Идолище этимологизируется по-разному, например Неодолище [Астахова 1938, №№ 125, 198, 212] имеет семантику «неодолимый» и пр.

В другом случае эпическое имя образовывается в результате «свертывания» эпизода, имеющего обрядовые корни. Добрыня в одном варианте былины с сюжетом «муж на свадьбе своей жены» получает «фамилию» **Скоморохов** [Григорьев 1939, № 247]. Это наименование сюжетно вполне оправдано: в некоторых других текстах герой приходит на свадьбу своей жены скоморохом, чтобы не быть узанным [Рыбников 1989, №№ 8, 27; 1990, № 155]. Б.Н. Путилов писал, что данный случай представляет собой «эпическое обращение обрядового эпизода в сюжетную коллизию с весьма тонким подтекстом» [Путилов 2003, 146]. В приведенном выше примере забытый подтекст актуализируется в имени персонажа: знания о ритуальном присутствии на свадьбах скоморохов более не востребованы²⁶, но это знание переходит в имя²⁷.

Итак, помимо «типовых» способов именования эпических персонажей (с этническими, конфессиональными, словообразовательными маркерами) существуют иные закономерности в образовании былинных имен: удвоение имени; этимологизация (вторичная

²⁵ Примечание собирателя к тексту былины.

²⁶ Переодевание Добрыни скоморохом в большинстве случаев — это реализация мотива «неузнанное прибытие героя домой». Добрыня также может переодеваться в странника — *калику перехожую*.

²⁷ Вероятно, процесс наименования Добрыни Скомороховым мог быть усложнен в результате исследовательского экзерсиса, и фамилия появилась в результате большой распространенности данной фамилии на Русском Севере. Однако возникает вопрос, почему эта фамилия прикрепились к имени Добрыни, который действительно приходил на свою свадьбу, переодевшись скоморохом, а не Алеши Поповича?

семантизация); редупликация; контаминация.

Процентное соотношение между первыми и вторыми составляет примерно 70% к 30%, причем из этих 30% большинство случаев составляет «этимологизация», на втором месте в сборниках Маркова и Григорьева — «удвоение» имен.

Использование былиной имен, образованных с помощью механизмов удвоения, этимологизации, контаминации, позволяет исследователю выявить некоторые взаимосвязи между такими именами и сюжетными функциями персонажей.

Таутонимы (удвоение имени) используются былиной при нивелировании сюжетной функции персонажа. В связи с этим уместно вспомнить, что в реальной практике имянаречения на Руси и в Скандинавии сына в большинстве случаев не называли именем живущего отца (т.е. «двойное имя» мог иметь только человек, отец которого умер). В фольклорной картине мира персонаж без отца эквивалентен персонажу, не имеющему происхождения, а следовательно, и нормального существования. В тех вариантах былин, где антагонист нарекается дублетным именем, он теряет функцию противника героя, сохраняя лишь черты «чуждости», истинным вредителем становится «невеста», чудовище же становится «нестрашным». Прослеживается корреляция дублетного имени персонажа и «матримониальной» тематики сюжетов (Идолище становится Идойло Идойловичем, когда сватает племянницу князя Владимира; двойное имя имеет отец «далекой» невесты; удваивается имя иноземного жениха — Соловья; Хотен становится Хотеном Хотеновичем). Таким образом, имя-дублет способствует «нейтрализации» персонажной функции в эпическом тексте²⁸.

²⁸ Следует учитывать, что так происходит не во всех случаях удвоения имени. Петрой Петрович — герой, который бьется с поленицей и узнает в ней своего брата [Рыбников 1989, № 22], и Иван Иванов — отец Ильи Муромца [Рыбников 1989, № 83] вовсе не являются принадлежащими к миру «чужих».

При этимологизации имени персонажа (антагониста либо героя) заметно наличие корреляционной связи между сюжетными акциями персонажа и его семантической характеристикой, выраженной в имени. Иногда мотивировка имени персонажа сказителем поддается объяснению с достаточно большой степенью достоверности: когда включается мотивирующий эпизод (прозвище Михайлы — Козарин, так как он пил козье молоко; Пересмета, потому что он «пересметывает силу неверную»). Другие имена могут быть объяснены только при наличии интертекстуальных связей мотивирующего эпизода (Добрыня Сказморав). В остальных случаях исследователь может лишь строить предположения относительно происхождения имени персонажа: в тексте нет мотивирующего эпизода (Неодолище, Зрыданище, Тараканчик Корабликов²⁹).

Редупликация имен используется былинной, но не влияет на изменение сюжетной функции персонажей.

Довольно интересной особенностью в образовании имен собственных в былинной является «контаминация» имен антагонистов: в вариантах, где используются такие имена, характеристики и действия одного персонажа приписываются другому (Соловей Блудимирович, Угарище), что показывает сюжетную общность данных былин и является дополнительным средством для определения сюжетного типа.

Спорадическое включение имен персонажей сказочной мифологии в русский эпос (Кошей, Баба-яга, Водяник) можно считать заполнением некоей лакуны, проявляющейся в нехватке известных фольклорной традиции персонажей-антагонистов, хотя, в целом, былина малопроницаема для персонажей как актуальной мифологии, так и сказочной³⁰.

²⁹ Зять Батыги Батыговича [Рыбников 1990, № 174].

³⁰ Следует заметить, что Баба-яга в сказке может быть как дарителем, так и вредителем, а в былинной актуализируется лишь ее «антагонизм».

Литература

Артеменко 1997 — *Артеменко Е.Б.* Язык фольклора: в чем его своеобразие // *Живая старина*. 1997. № 4. С. 3—6.

Вводов 2002 — *Вводов В.* Замечания о значении титула ‘царь’ применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // *Из истории русской культуры*. Т. II, кн. I: Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002. С. 506—543.

Вводов 2002 а — *Вводов В.* Титул ‘царь’ в северо-восточной Руси в 1440—1460 гг. и древнерусская литературная традиция // *Из истории русской культуры*. Т. II, кн. I: Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002. С. 543—554.

Даль 1984 — *Даль В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. В 2 т. М., 1984. Т. 2.

Кондратьева 1967 — *Кондратьева Т.Н.* Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967.

Никифоров 1994 — *Никифоров А.И.* Кошей. Макар. Яга (статьи А.И. Никифорова для «Словаря литературных типов») // *Живая старина*. 1994. № 2. С. 47—49.

Новик 2001 — *Новик Е.С.* Система персонажей русской волшебной сказки // *Структура волшебной сказки*. М., 2001. С. 122—163.

Окуджава 1993 — *Окуджава Б.* Выписка из давно минувшего дела // *Знамя*. 1992. № 7. С. 72—92.

Оссовецкий 1957 — *Оссовецкий И.А.* Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне // *Труды Института языкознания АН СССР*. М., 1957. Т. 7. С. 466—504.

Пеньковский 2004 — *Пеньковский А.Б.* Русские личные именованные, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество» // *Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике*. М., 2004. С. 311—366.

Путилов 2003 — *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура: In *metoform*. СПб., 2003.

Тарланов 2002 — *Тарланов З.К.* Герои и эпическая география былин и «Калевалы». Петрозаводск, 2002.

Толстой 2003 — *Толстой Н.И.* Отчего перевелись богатыри на Святой Руси? // *Толстой Н.И. Очерки славянского язычества*. М.: «Индрик», 2003. С. 436—439. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Славянские древности 2004 — *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М., 2004.

Скафтымов 1924 — *Скафтымов А.П.* Поэтика и генезис былин. Очерки. Саратов, 1924.

Соболевский 1890 — *Соболевский А.И.* Заметки о собственных именах в великорусских былинах // *Живая старина*. Вып. 2. 1890. С. 93—107.

Честертон 2000 — *Честертон Г.К.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Вечный Человек. Эссе / Пер.

с англ.; Сост. и общ. ред. Н.Л. Трауберг. СПб., Амфора, 2000.

Источники

Афанасьев 1985 — Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. I—III. М., 1985.

Астахова 1938, 1951 — Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора / Зап., вступ. ст. и коммент. А.М. Астаховой. М.; Л., 1938; Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и коммент. А.М. Астаховой. М.; Л., 1951.

Астахова 1958 — Илья Муромец / Подгот. текстов, статья и коммент. А.М. Астаховой. М.; Л., 1958.

Былины Печоры 1961 — Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подгот. А.М. Астахова, Э.Г. Бородина-Морозова и др. М.; Л., 1961.

Былины Печоры 2001 — Былины Печоры / Корпус текстов подготовили В.И. Еремина, В.И. Жекулина, В.В. Коргузалов, А.Ф. Некрылова, Ю.А. Новиков. СПб., 2001. Т. 1—2. (Свод былин в 25 томах).

Былины Мезени 2003 — Былины Мезени / Корпус текстов подготовили В.И. Еремина, В.И. Жекулина, В.В. Коргузалов, А.Ф. Некрылова, Ю.А. Новиков. СПб., 2003. Т. 3—4. (Свод былин в 25 томах).

Гильфердинг 1949—1951 — Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4-е. Т. 1. М.; Л., 1949; Т. 2. М.; Л., 1950; Т. 3. М.; Л., 1951.

Григорьев 1904—1939 — Архангельские былины и исторические песни, собр. А.Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 1. М., 1904; Т. 2. Прага, 1939; Т. 3. СПб., 1910.

Марков 1901 — Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием В.Ф. Миллера. М., 1901.

Кирша Данилов 1977 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. / Подгот. А.П. Евгеньева, Б.Н. Путилов. М., 1977.

Киреевский 1860—1862 — Песни, собранные П.В. Киреевским. Ч. 1. Вып. 1—4. М., 1860—1862.

Миллер 1900 — *Миллер В.Ф.* Новые записи былин в Якутской области. СПб., 1900.

Миллер 1911 — *Миллер В.Ф.* Две сибирские былины из записей С.И. Гуляева // Живая старина. 1911. Вып. 3—4. С. 445—452.

Новгородские былины 1978 — Новгородские былины / Изд. подгот. Ю.И. Смирнов, В.Г. Смолицкий. М., 1978.

Ончуков 1904 — *Ончуков Н.Е.* Печорские былины. СПб., 1904.

Рыбников 1989 — Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3 т. / Под ред. Б.Н. Путилова. Т. 1. Петрозаводск, 1989.

Рыбников 1990 — Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3 т. / Под ред. Б.Н. Путилова. Т. 2. Петрозаводск, 1990.

И.Е. ПОСОХА
(Москва)

А.В. МАРКОВ — СОБИРАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА: МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

Материалы к библиографии А.В. Маркова сгруппированы следующим образом:

— публикации фольклорно-этнографических материалов, осуществленные А.В. Марковым;

— его исследования, включая отчеты об экспедициях, рецензии на издания других авторов, статьи в энциклопедическом словаре;

— исследования о научном наследии А.В. Маркова, включая рецензии на его труды и публикации его фольклорно-этнографических записей, заметок.

Публикации А.В. Маркова

Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием В.Ф. Миллера. — М., 1901. — XIII, [3], 618 с., нот.

Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В.Ф. Миллера при ближайшем участии Е.Н. Елеонской и А.В. Маркова. — М., 1908. — 312 с.

№№ 65, 75, 77 — записи А.В. Маркова из Кузомени и Варзуги.

Кадлубовский А.П. К истории русского духовного стиха о преподобном Варлааме и Иоасафе // Рус. филол. вестник. — 1915. — № 2. — С. 224—248.

С. 243—248: текст стиха о Варлааме и Иоасафе, записанный А.В. Марковым от А.М. Крюковой.

Марков А.В. Беломорская былина о походе новгородцев в Югру в XIV веке: («Камское побоище») // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями. — М., 1900. — С. 150—162.

С публикацией текста.

Марков А.В. Былины, записанные в Пермской губернии // Этногр. обозрение. — 1899. — № 4 (Кн. 43). — С. 89—94.

Записи Е.Н. Косвинцева.

Марков А.В. Забытая старая запись одной былины // Этногр. обозрение. — 1900. — № 3 (Кн. 46). — С. 130—133.

Марков А., Маслов А., Богословский Б. Напевы Терского берега Белого моря: Мате-